

18+

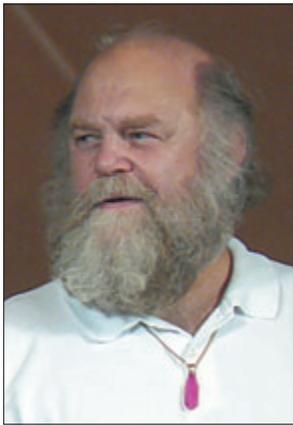
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №16 ГАЗЕТА

Современная проза

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

Родился в 1951 году в городе Ворошилове, ныне Уссурийске, Приморского края. С 1952 года постоянно проживает в Санкт-Петербурге. Окончил химическую школу и химический факультет ЛГУ. Работал научным сотрудником в НИИ, разнорабочим, инженером, грузчиком, учителем химии.

Первая публикация в журнале «Уральский следопыт» в 1975 году. Первая книга — сборник фантастических рассказов «Быль о сказочном звере» (1990).

Автор романов: «Многорукий бог далайна» (1994), «Страж Перевала» (1996), «Чёрная кровь» (совм. с Н. Перумовым, 1996), «Колодезь» (1997), «Земные пути» (1999), «Чёрный смерч» (1999), «Свет в окошке» (2003), «Имперские ведьмы» (2004), «Дорогой широкой» (2005), «Россия за облаком» (2007), «Медоносное золото» (2012) и многочисленных повестей и рассказов.

Лауреат премий: «Аэлига» (2008), «Странник» (2003), «Интерпресскон» (1995, 1998, 1999, 2006), «Беляевской премии» (1995), «Великое кольцо» (1983), «Портал» (2007).

ПОНОМАРЁВ Александр Анатольевич

Родился в 1969 году в Липецке. Автор пяти книг прозы и драматургии: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012), «Эпоха Водолея» (2015), «Бабкины сказки — Дедкины подсказки» (2015), «Охота на призрак» (2015).

Закончил филологический факультет Липецкого пединститута, Республиканский институт МВД России. Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе.

Член Союза писателей России (2011), Межрегионального Союза писателей Украины (2010), Конгресса литераторов Украины (2010), член-корреспондент Крымской литературной Академии (2012), член Академии российской литературы (2017), Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов (2017).

Лауреат национальных и международных литературных конкурсов. Живет в Липецке.

«КРАСНЫЕ ВОРОТА» в перспективе времени

Вот так мучительно, не вдруг
Я стал в своих суждениях строже:
Что если кто кому-то друг,
То вряд ли истина дороже...

Павел Козлов

Эта книга, первая в библиотеке «Красные Ворота» (издательство «Художественная литература», 2023) вышла из-под пера «старого москвича» Николая Николаевича МИТРОФАНОВА. «Старый москвич» — понятие, в нашем случае, не возрастное, хотя писатель и историк Митрофанов в годах (да и чинах) солидных. Но,

по счастью, ни к «новым русским», ни к «новым москвичам» он не относится. Он москвич по факту рождения, по судьбе (журналиста, издателя, краеведа, поэта, сатирика, редактора-энциклопедиста) и, наконец, по-юношески страстной любви к своему городу, к Красным Воротам, Каланчовке, Басманным, Трёхвокзально.

Многожанровый состав книги «ЧЕРЕЗ ВРЕМЕНА ЗАТЯЖНЫХ ВЫРАЖЕЙ» понуждает читателя на серьёзные временные и даже технические затраты: краеведческие очерки и исторические анекдоты,

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 № 16 /1933/ Основана в 1927 г.

Современная проза

Святослав Логинов

Вымертский тракт

Никогда не писал предисловий к своим повестям, полагая, что умный читатель сам разберётся. Но в данном случае без предисловия не обойтись. И вот почему.

Не следует искать здесь философских глубин, просто потому, что их здесь нет. Повесть одномерна, нет в ней ни второго, ни третьего уровня восприятия, разве что случайно что-то затесалось.

Нет в повести глубокого психологизма, автор старался всего лишь, чтобы герои не были картонными, а выверты психики полагал излишними.

Сюжет может быть пересказан одним словом из пяти букв: Квест.

Спрашивается, зачем тогда писалась эта повесть?

Без малого сто лет назад Серапионовы братья, те, что, здороваясь, говорили: «Брат, писать трудно», слёзно жаловались, что писать умеют многие, а вот придумать — никто. С тех пор положение не только не улучшилось, но стало много хуже. Фэнтези оказалось полностью лишено фантазии. По страницам толстых романов бродят однообразные Главные Герои (недаром их называют ГГ) в сопровождении столь же однообразных спутников ГГ. Можно подумать, фэнтезисты перечитались Проппа, хотя, скорей всего, они о Проппе и не слыхивали. Я тоже запустил в квест двоих человек, но попробуйте определить, кто из них герой, а кто спутник героя. Лишённые фантазии фэнтезисты скучно живописуют одну магическую академию за другой. Фэнтези тома переполнены благостными вампирами и сонмами неразличимых зомби. Любители чернухи уныло расплёскивают вёдра крови и развешивают по стенам кишки. А ведь можно написать так, что это действительно вызовет ужас.

Во всех своих фэнтезийных произведениях я старался создавать оригинальный антураж, но этого почему-то почти никто не замечал. Умные читатели говорили: «Но ведь рассказ не об этом...» Так вот, эта повесть ОБ ЭТОМ! Господа фантасты, уважаемые и малоуважаемые коллеги! Не надо переписывать друг у друга давно надоевшие штампы. Включите фантазию, должна же она у вас быть! Не надо равняться на гениев. Для начала напишите что-нибудь без философии, без психологии, без социологии, что-нибудь просто приключенческое, но своё, незаёмное. Фантасты вы или хвосты собачьи?

И пара слов для тех, кто непременно желает делить героев на положительных и отрицательных. Так вот, их здесь нет. Все хотят добра и все, кто умеет говорить, говорят исключительно правду.

— Господин позвольте сопровождать вас...

Уже неделю Раллиху не попадались придорожные гостиницы и даже харчевни. Три дня назад он миновал последнее поселение, ошетилившееся высоким частоколом. Одинокого путника там могли приветить только дубиной по голове. Дальше начинались места вовсе дикие, носившие говорящее название Вымерт. Тем более странно было встретить здесь одинокого путника, шагавшего по остаткам некогда мощёного тракта.

— Боишься разбойников?

— Что вы! Для разбойников у меня припасён меч. К тому же, бандитских шаек здесь нет, они боялись нечисти.

— Это уже интересно! Разумеется, ты можешь составить мне компанию и заодно рассказать о дьявольских отродьях, которых ты не боишься, хотя они распугали окрестных бандитов. Надеюсь, я не услышу леденящих историй о Белой Даме. Эти легенды изрядно надоели мне за последнее время.

— Помилуйте, откуда взяться Белой Даме в этой глуши? Мадам весьма деликатна и любит хорошее общество. К сожалению или к счастью, в столице слишком много экзорцистов и иных священнослужителей, поэтому о Белой Даме больше пустых разговоров, чем реальных известий.

— А ты, оказывается, веришь в Белую Даму?

— Зачем верить? Я всего лишь не отрицаю её существование. В Вымерте мне приходилось видеть всякое, так зачем отказывать в существовании Белой Даме? По счастью, я слишком мелкая сошка, чтобы безумная красавица обратила на меня внимание. Порой над лесом что-то пролетает, но, скорей всего, это не она.

— Бандитов ты не боишься, Белой Дамы — тоже. Так чего ты опасаться в здешней глуши?

— Тут водится много всякой дряни. Прежде всего — оборотни. Хотя луна сейчас не в той фазе, так что оборотни не появятся ещё несколько дней.

— Путник с мечом боится завшивевшего волка?

— Прежде всего, добрый господин, здесь не столичный округ. Это там, стоит объявиться захудалому волколаку, как на облаву выходит полсотни рыцарей и сотня егерей. Тут ни рыцарей, ни егерей нет, и в лунные ночи оборотни сбиваются в стаи, так что в одиночку от них не отобьётся самый опытный человек. Поэтому я хожу по этим местам только безлунными ночами, а при полной луне стараюсь найти крепкое убежище. Ещё здесь частенько встречается Ворочун.

— Ворчун, что ли? Первый раз о таком слышу.

— Ворочун. Он не ворчит, а ломает деревья. Проходили недавно: видели вывал леса? Это его работа.

— Да ну... смерч, наверно, деревья повалил.

— Смерч вывал делает ровный, словно просеку. Все деревья кронами в одну сторону лежат. А тут накидано как попало.

— И что этот Ворочун людям делает?

— Ничего. Лес портит. И если кто ему под горячую лапу попадётся, тоже задавит. А так он людей все не замечает.

— Чем же тогда от обычного смерча отличается? Тем, что деревья валит неаккуратно?

— Смерч — просто непогода такая. Если там и есть волшебная суть, то сторонняя, кем-то наколдованная. А Ворочун... ну, как увидите, сразу понятно станет. Простого чародейства в нём тоже нет, а что-то чудесное есть.

— Тебе его видеть доводилось?

— Столько раз, что и не пересчитать.

— И что ты делал, встретившись?

— Падал, старался забиться в какую-нибудь яму, а там лежал, затихарившись. Бежать от него опасно, на движение он может среагировать. А так ему деревья интереснее. Вот Крахт, тот специально за людьми гоняется, благо что для здешних мест человек — добыча редкостная. Но от Крахта отбиться можно, а повезёт, так и уложить. Я одного прикончил вот этим самым мечом.

— И каков он из себя?

— Считается великаном, хотя не слишком-то он и велик — полтора роста. Одежды не носит, весь в шерсти. Дубина у него здоровенная из цельного дерева. Хотя безоружным он был бы опаснее. Он же неповоротливый, Крахт, пока размахнётся своей палицей, пока ударит... десять раз можно отскочить.

— Людоед?

— Вот чего не знаю, того не знаю. Я не съеден, а ежели кто попадёт под дубину, наверно, слопает. Только тут людей, считай, что нету. Некого ему жрать. Другого зверья много, так что голодным он не ходит. Тоже и гнилые карлики, эти всё жрут, даже своих убитых. Каннибалы, одним словом.

— Ты неплохо в здешней живности разбираешься. Сам-то зачем сюда лезешь, раз тут такие гиблые места?

— Видите ли, добрый господин, я охотник за нечистью. Моё имя — Стан, а родовых имён таким, как я, не положено.

— Будем знакомы, охотник Стан. Меня зовут Раллих Гранк, и я тоже охотник за нечистью.

— Я слышал ваше имя, господин Раллих. Вы из знатного рода, один из тех бойцов, что сражаются за идею. Всегда преклонялся перед такими, как вы.

— А ты, значит, из тех, кто работает за деньги.

— Я бедный человек, мне надо на что-то жить.

— Это я понимаю. Мне неясно другое — что тебе делать в Вымерте? Сам говорил: людей здесь не осталось, и кто тебе заплатит за твои подвиги?

— Вы полагаете, мне по чину изгонять шумливых духов из купеческих домов и ловить в мельничном омуте вредоносную ундину, получая за это гроши? Так-то оно так, но я хожу промышлять в здешние леса. Знаете, сколько на ярмарке в Изгольне стоит клык вервольфа? Не подделка, а настоящий зуб, который начинает светиться с ростом луны? Это не ундину гонять, тут хватит на год безбедной жизни.

— Сам же говорил, что здешние оборотни любого охотника заедят.

— Верно. Но есть и к ним подход. Опасно, конечно, но без этого никакое дело не обходится. Иной раз ещё что-то попадает. Череп Кранха у меня один аптекарь купил. Казалось бы, какой с черепа толк, волшебства в нём ни капли, но аптекарь поставил диковину на полку над прилавком, так к нему народ валом валить начал. В здешних краях удивительными редкостями можно разжиться не хуже, чем в какой-нибудь Африке. Главное, не увлекаться, брать с разбором. Уж как меня уговаривали добыть желчь гнилого карлика. Торговец зельями уговаривал, с виду приличный человек, негоциант. Но я-то знаю, эта желчь нужна только ведьмам и чёрным колдунам для самых злых волхваний. Казалось бы, мне какая разница, но если начнёшь работать на чернокожников, очень быстро станешь одним из них. Такая опасность пострашней Ворочуна.

— Я и не знал, что у работающих за деньги есть свои принципы, — произнёс Раллих. — А ты, как тот охотник, что заботится, чтобы добыча в его угодах не скудела. Перебьёшь всех оборотней, чем жить станешь? Непонятно только, зачем ты так настойчиво напрашивался мне в попутчики? При твоём ремесле одному быть проще и выгодней.

— Прежде всего, господин Раллих, добыча здесь не скудеет. Нечисть уже выбирается за пределы Вымерта и расползается на окрестные земли. Вторых, вдвоём идти веселее. Ну, а в-третьих, если бы я к вам не спросился, то шёл бы сейчас и гадал: человек идёт тем же путём, что и я, или призранный путник.

— Чем тебе может навредить призранный путник?
— Настроение испортить, — кратко ответил Стан.

Некоторое время шли молча. Дорога, когда-то выложенная каменными плитами, сопротивлялась натиску трав и кустарников и была хорошо видна, так что идти не составляло труда. Чуть в стороне на холме виднелись развалины. Огрызки стен и сейчас поднимались выше деревьев.

— Это что?

— Не знаю. Крепость какая-то или замок. Внутри ничего нет, одна труха. Нетопыри гнездятся, лисы норы устраивают. А так место чистое, даже фамильные привидения повывелись.

— А город где? Говорят, когда-то в самом центре Вымерта огромный город был: Пернбур. Сейчас таких городов не бывает, а этот над всем миром царил и был разрушен в одну ночь.

— Так то — город, а тут крепость. До города ещё три дня идти. Тракт туда и ведёт. Только там тоже ничего нет. Отсюда люди сами ушли, а там всё сгорело, что могло гореть. Белая Дама повеселилась, от неё одни камни остаются.

— Так и знал! Без рассказов о Белой Даме дело не обойдётся. Донна Бланка — всему голова.

— Так это когда было? Не одна сотня лет прошла. Теперь здесь Вымерт, мёртвые земли. Белой Даме на безлюдье делать нечего.

— Должна же она где-то жить. Дом должен быть, слуги и всё остальное.

— Необязательно. Может, она и вовсе неживая. Что о ней известно? Летает, хохочет. Появляется в городах во время праздника и выжигает всё, словно огненный смерч. Огненный смерч — он живой? Слуги у него есть?

— Белого платья у смерча тоже нет.

— Ты недавно говорил, что под смерч, только не огненный, а простой, работает... этот, как его... Ворочун.

— Вот именно. И никто не знает, Ворочун — это существо или явление? Так же и Белая Дама. Придворные маги утверждают, что огненная красавица не является в мир благодаря их стараниям, но точно об этом не знает никто. Рассуждать можно по-всякому, но главное, что бьёт она только по городам и, значит, здесь не появится.

— Во всяком случае... — начал Раллих, но Стан резко прервал его:

— Стоп!

Раллих замер на полушаге и полуслове и вслед за Станом выхватил меч. Ничто на дороге не указывало на опасность. Мелкий кустарник не мог никого скрывать, деревья и вовсе отступили в этом месте от дороги. Сама дорога была чиста, если не считать большой и наверняка неглубокой лужи, разлившейся поперёк пути. Именно к луже и двигался Стан мелкими шажками, выставив перед собой меч. Ни один из амулетов Раллиха не чувствовал опасности, но знатный охотник тоже изготавился к бою, понимая, что лучше перестраховаться, чем вляпаться неведомо во что.

— В середину не бить, только по краю! — командовал Стан. — Делать, как я!

Сам он черкнул остриём меча по краешку лужи, очерчивая границу для чёрной воды. Вода отдёрнулась, словно живая, ленивая волна прошла по поверхности и собралась в центре в бугор. Раллих, мгновенно сообразивший, что происходит, подскочил с другой стороны и тоже очертил остриём меча дугу по краю лужи. Раздалось громкое шипение, бугор вздулся гигантским фурункулом.

— Как он встанет, — крикнул Стан, продолжая сгонять лужу в центр, — меч в ножны, а то он расплавит. Палкой надо бить!

Палки у Раллиха не было. С вычурными посохами, изображающими магический жезл, ходят деревенские заклинатели, старающиеся пустить мужланам пыль в глаза. Раллих не работал за деньги и подобные ухищрения презирал. А теперь оказалось, что неведомого противника следует охаживать простой дубинкой.

Пупырь в центре лужи прорвался огненным фонтаном, оттуда поднялась багровая человекообразная фигура. Защитные амулеты Раллиха, словно проснувшись, заголосили каждый своё.

Расставив загребушие лапы, монстр шагнул к Раллиху. Стан сзади безостановочно лупил палкой,

но чудовище не особо обращало внимание на такую помеху.

— Потихоньку отступай! — орал Стан, забыв, что к дворянину следует обращаться на «вы».

Отступать Раллих не привык, но и стоять безоружным против такого врага было невыносимо. И вдвойне невыносимо, когда оружие в руке, но нельзя им воспользоваться. Выбора не оставалось, Раллих взмахнул мечом, но не ударил, а черкнул кончиком клинка по багровой башке, как до этого очерчивал границу по луже. Брызги расплавленного металла обожгли руку, конец меча слизнуло напрочь. Монстр остановился и зашипел. В этом звуке не было ничего живого, так шипит вода, случайно попавшая на раскалённую кухонную плиту.

— Держи! — крикнул Стан и кинул Раллиху свою палку. Конец палки обуглился, хотя она ещё вполне была готова к бою. Не замечалось в палке никакого волшебства, даже простенького наговора, уж это Раллих чувствовал. Но рука теперь не была пустой.

Раллих ткнул тлеющим концом палки туда, где хотелось бы видеть если не лицо, то хотя бы морду, затем саданул по лапам и вновь по набалдашнику головы. Палка пылала словно факел, зато и монстр остановился, не пытаясь защититься или нападать и позволяя бить себя.

В этот момент Стан, оставшийся без дубинки, прыгнул вперёд. В руке он сжимал нож с тусклым, явно не металлическим лезвием. Удар пришёлся в спину, снизу вверх. Таким приёмом бьют в воровских притонах Хазма. Монстр изогнулся, трещина рта, очерченная раллиховским мечом, раззявилась беззубой пастью. Шипение усилилось, ставши визгом или свистом. А затем огненная фигура начала рассыпаться на небольшие куски, напоминающие осколки смальты.

— Вот и всё, — весело сказал Стан, разглядывая свой нож. — Управились. Даже ножик уцелел.

— Палка наполовину сгорела.

— Новую вырежу. Что, здесь рябинок не найдётся? Колдовства в ней нет, обычная палка в помощь ногам. И драться ею удобно: лёгкая и длина подходящая. В городах, в дурном обществе, свои законы. Оружием пугать запрещается. Достал меч или нож вытащил — изволь убивать. А палкой дебошира поучить — самое милое дело.

Раллих покачал головой, оценивая, с кем свела его судьба.

— Что за зверь из лужи нам встретился?

— Так это искряк. Сейчас камни остынут — подберём, поделим пополам. Такие камушки у господ ценятся, так что даже если вервольфа не добудем, поход, считай, окупился.

— Палка у тебя обычная, — произнёс Раллих. — А нож?

— Нож тоже обычный, только костяной. У меня знакомый косторез есть, он и сделал. Вообще-то он ножи для бумаг мастерит, но они маленькие, а тут целый кинжал. Мастер ещё спрашивал: «Что за фо-

лианты ты читаешь, раз такой нож потребовался?» — а фолианты вон какие на дороге встречаются.

— Понятно. Я такие камушки видывал, только не знал, откуда они берутся. А ты вот что скажи: если бы ты был один, то как бы с искряком управлялся?

— Точно так же. Лупил бы его палкой, час, а то и два, пока ему не надоест. Как он поймёт, что от меня ему никакого прибýtка, то повернётся, чтобы уйти. В эту минуту его и надо на нож сажать. С грудины его не возьмёшь, он с переду неуязвим. Нехорошо, говорят, в спину бить, а по мне так без разницы: с какой стороны ловится, с той и ловить надо. Тут многие твари такие: с лица подступа нет, а в спину ударил — и дело с концом. Я человек простой, мне результат важен, а на дуэльный кодекс мне плевать.

Под эти разговоры путешественники дружно натаскали хвороста для костра, который намеревались развести на том самом месте, где недавно была лужа. Место оказалось совершенно сухим, никакой жижи в искряке не было. Нашлась, впрочем, и вода в близком ручейке.

— Ну-ка, посмотрим, как искряк работает.. — Раллих откатил в сторону один, не вполне остывший камушек, стараясь не обжечься, подкинул его на ладони и с маху швырнул в кучу хвороста.

Костёр мгновенно запылал.

— Красиво. И это всё, что он может?

— Чего ему ещё мочь? Искряк и есть искряк. Каждый камушек на одну растопку. Потому и покупает его только знать. Мужик не ленится и кресалом постучать.

— Пожалуй, я возьму себе пяток штучек для интереса, а остальные тебе на продажу. Я, хоть и не мужик, а кресалом стучать тоже не ленюсь.

— Спасибо, — сказал Стан.

Он сидел у костра, ошкуривая новую, вырезанную в кустах палку. Срезанной веточкой порой помешивал в котелке, где начинали побулькивать крупа и копчёное мясо.

— Вот что неясно: мне кажется или костёр, разожжённый искряком, жарче горит?

— Может, и не жарче, но дружней. А я, вот, о другом раздумываю. Ведь этот Ворочун, о котором ты говорил, он на человека похож?

— Слегка.

— Крахт, как я понимаю, тоже. Искряк, с которым мы только что схлестнулись, опять же с виду как человек. Две руки, две ноги, и даже сверху что-то вроде головы. Почему бы ему другой вид не принять, что их всех на человека тянет?

— Это нас тянет на них. Кабы не мы, искряк никогда бы человеческий вид не принял. Лежал бы луже, жрал всякую мошкарку, лягушку в крайнем случае. Рос потихоньку, а как достиг бы нужной величины, то в луже образовался бы пупырь, какой мы видели, а из него вылетел бы рой огненной мошки, а вовсе не то чудовище, что только что. Лужа на старом месте осталась бы, только маленькая, а рой полетел

бы добычи себе искать, сжѣт бы того, кто ему попадѣтся, а там и растѣкся бы новой лужей. Стало бы их две, и обе хищные. А мы пришли, с панталыку беднягу сбили, заставили трансформироваться, когда он ещё к делению не готов был. Вот и вся хитрость.

— Что же, логично. Только откуда ты это знаешь? Видеть такое ты не мог, ведь если бы ты был рядом, то искряк встал бы в человеческом обличи.

Стан подцепил вырезанной палкой котелок, снял с огня и только после этого ответил:

— Я и не видел. Как бывает, если рядом нет людей, мне рассказали.

— Кто?

— Один старый оборотень. Они вполне прилично умеют говорить, если не касаться философских и моральных проблем. И они не врут, если дело не касается методов охоты и устройства ловушек.

— Н-да... — протянул Раллих. — Вот ты о морали рассуждать можешь, так скажи, насколько согласуется с моралью: сначала побеседовать с вервольфом, пусть не по душам, души у него, положим, нет, но за жизнь, а потом прикончить, да ещё зубы на продажу выбить.

— Прежде всего, почему непременно вервольф? Волколаки опасней вервольфов, и вообще, оборотни бывают разные: кто-то в медведя перекидывается, кто-то в барса, рысь или кабана. Самые коварные — росомахи. Зубы на продажу у них можно драть, только пока оборотень в зверином обличи. Поэтому старого оборотня я вовсе не убивал. Зачем? Он уже своё отжил, детёнышей у него больше не будет, в зверя перекинуться он тоже не способен. Сами подумайте: маленькие дети оборотнями не бывают, перекидываться они начинают лет в пятнадцать. Не знаю, сколько лет живёт призрачный волк или рысь, пусть тоже пятнадцать...

— Больше, — подал голос Раллих. — Эти твари живучие, двадцать лет для них не предел. Так нам в академии говорили.

— Даже если двадцать, человеческой ипостаси исполнилось тридцать пять, он ещё не старый, а волчья ипостась издохла. Не знаю, можно ли перекинуться в дохлого волка, но обратно — никак. Вот и прозябают в жалком обличье. У того, с которым я знакомство свёл, вырыта не то землянка, не то нора. Свои его не больно жалуют, но не трогают. Так он рыбой промышляет, особенно зимой — заморную жрѣт. Лягушки, мыши, насекомые всякие, всё, чего человек есть не станет, ему в пищу идѣт. Огня старый оборотень не боится, в его логове очаг сложен. А разжигает очаг искряком, что сановник какой.

— Откуда у него искряк?

— В лесу собирает. Бывает, что иному искряку зиму пережить не удаѣтся: холодно, пропитания нет — он и рассыпается на камушки, а бывший оборотень находит и собирает. Он меня в свою нору пускать не хотел, боялся, что я искряк отниму.

— Отнял?

— Нет. Я охотник, а не грабитель.

— Что ещё тебе оборотень рассказывал?

— Если на юг идти, там великие развалины будут. Город когда-то стоял. Дорога как раз туда ведѣт. Но теперь там ничего толкового нет, только призраки бродят. А это уже не по моей части. Против призраков экзорцист нужен, а кто ж из них сюда пойдѣт? Им и в столице хорошо. С пустынного призрака прибыли никакой.

Раллих кивал, слушая своего меркантильного спутника.

— А вот скажите, сеньор Раллих, в чём разница между призраком и привидением? Как-то их высокая наука различает...

— Привидение — это домашний призрак, привязанный к дому, к семье, к мрачной фамильной тайне. Бороться с привидением трудно, надо весь особняк вычищать, причѣм не только парадные комнаты, но и службы, а это занятие муторное. А если привидение бездомное, то это и есть призрак. Уничтожить его тоже не сразу получается, заклинания рассеяния очень сложны, а прогнать — проще простого. Дунул — и нет его. Я в этом деле поднаторел изрядно.

— Что вам тогда надо в здешних местах? Со мной всё понятно: бью оборотней ради шерсти и клыков, всякие редкости собираю, вроде искряка. На рожон не лезу, опасную дрянь к людям не выношу. Болота тоже стороной обхожу.

— А что в болотах? Кикиморы, шишиги, утопленники?

— Что вы!.. Эти страсти встречаются в обжитых болотах, где часто бывают люди. А тут — ползучие окна, рвотный туман... Гнилые карлики тоже болот держатся. Кстати, среди карликов полно оборотней. В волка или медведя им обратиться не по силам, так они в лис перекидываются, в куниц... Особенно часто становятся выдрами. Ежами быть не брезгают, так что, если ёжика встретите, не торопитесь в руки брать.

— На куски порвѣт?

— Ага! Это же гнилой карлик, хоть и перекинувшийся. Он трупным ядом налит, что перепившийся комар кровью. Крохотная царापина — и смерть. Даже и царاپины не надо; пот, слюна — всё ядовито, и страшной этого яда в мире нет. Говорят, у гидры такой же яд, но я гидры вживе не видал и судить не могу. Но вот что любопытно: клыков у ежа-перевѣртыва нет, но глазные зубы во время полной луны светятся. Время придѣт — могу показать, у меня есть пара таких.

— Тоже на продажу добываешь?

— Вот ещё — рынок портить... Так, любопытный кунштюк для себя самого. Видите, я о себе рассказываю, мне скрывать нечего, а вы так и не сказали, что вас сюда потянуло, да ещё без подготовки. Нет, я вижу, вы опытный боец и колдовству вас учили, но ведь по книжкам этому делу не выучишься. Скажем, искряк в виде лужи ничего не колдует, магии не проявляет, вот и вляпались бы в него. Опять же, здесь полно ядовитых существ, которые в нормальном лесу

безопасны. А вздумаете сражаться с кем-то, в ком колдовская сущность есть, так они, почитай все, в честном бою непобедимы, их в спину надо бить, что для вас неприемлемо, рыцарский кодекс не велит, благородство не позволяет.

— Нечисть можно бить как угодно, благородство тут ни при чём.

— Всё равно. Я вижу, вы обвешаны оберегами, что майское дерево побрякушками, а настоящего опыта и подлинной силы у вас нет. Прикончат вас здесь или ещё хуже что-нибудь устроят. Пожалеете, что живы остались.

— От смерти зарекаться не буду, а хуже не устроят, — возразил Раллих.

Он придвинул к себе котелок, начал есть походное варено: не то густую похлёбку, не то жидковатую кашу. Стан молча ждал. Знатный господин должен быть первым, а простолюдин довольствуется остатками. Впрочем, лишку Раллих себе не позволил. Ополовинив котелок, пододвинул его Стану. Посидел молча, глядя, как напарник ест, потом сказал:

— Меня всегда удивляло, почему существуют такие места, как Вымерт. Колдовские силы порой бушуют здесь, словно лесной пожар, а иной раз безостановочно тлеют, как горящее торфяное болото. Но пожар, даже болотный, недолговечен, огонь гаснет, и через несколько лет на бывшей выгари уже поднимается молодой лес. Природа чужда чародейства, её магия проста и очевидна, и раз нечисть расплодилась здесь сверх меры, значит, есть причина, её порождающая.

— Вы полагаете, здесь живёт дракон? — спросил Стан, облизывая ложку.

— Или колдун столь могучий, что само его присутствие порождает волны зла.

— Волны зла, такие, что уродуют весь край, невозможно не заметить, да и вселенский дракон, даже спящий, тоже выдаст себя. К тому же о драконе сказок ещё больше, чем о Белой Даме, а следов его существования ещё меньше.

— Потому и хочу пройтись по этим местам, поглядеть, что к чему. А получится, так и рога пообломать тому, кто там воду мутит.

— Это и впрямь великая цель, — раздумчиво произнёс Стан. — С вашего позволения, я бы хотел сопроводить вас. Я человек вольный, дома меня никто не ждёт, да и дома у меня нет. Если мы выберемся из Вымерта целыми, да ещё и с победой не знаю над кем, то о вас сочинят сотню героических саг и баллад, а заодно помянут и меня. Меня повысят в звании и назовут не безвестным бродягой, а вашим оруженосцем. Будет чем похвалиться на старости лет. Надавать пинков чёрному властелину, это тебе не вервольфам зубы драть.

— Очень поэтично, — заметил Раллих. — Думается, большинство из обещанной сотни баллад будет сочинено тобой. А вообще, я рад. Пойдём вместе. Вроде бы нам здесь ничто не угрожает, да и охранных амулетов у меня препорядочно, но бережёного бог бережёт. Кто будет первым караулить?

Ночь прошла спокойно, амулеты молчали, и хотя в кустах кто-то бродил, но нападать не пытался — то ли был не опасен, то ли сам опасался двоих путников. Утром поднялись, следуя мудрому совету — не есть по утрам, быстро собрались и вышли в путь, едва вокруг забрезжило.

— Куда идём? — спросил Стан.

— Я полагал, ты скажешь, куда идти. Ты тут свой человек, тебе и карты в руки.

— Карт Вымерта ещё никто не составил, а дальние карты в нашем деле не помощники. Я хожу по местам, где магии поменьше. В одиночку к дракону соваться не с руки.

— А что, клыки у дракона при полной луне светятся?

— Они всегда светятся.

— Ты и это знаешь?

— Нет, догадываюсь.

— Тогда давай так: пойдём к развалинам города и там попытаемся понять, откуда пришла напасть.

— Хорошо. Но если город разрушила Белая Дамма, то никаких следов мы не найдём, Дамма атакует сверху. Дракон, кстати, тоже.

— Вот и поглядим, сверху город били или нет. Опять же, все жители погибли или кто-то сумел уйти. И ещё... — Раллих неожиданно улыбнулся, — Стан, а ты мне палку не вырежешь? Дворянину с палкой ходить невместно, да кто здесь увидит? А вещь, получается, полезная. Вон, деревце неплохое растёт. И толщина подходящая, и изгиб под руку удобный.

— Для палки лучше рябину брать. Вересовая тоже хороша, хотя она тяжеловата. А это дерево незнакомое. Хотя, если плохо получится, всегда можно другое присмотреть.

Стан скинул мешок, вытащил нож, на этот раз стальной, но не успел даже сделать первый надрез. Деревце изогнулось и стегануло Стана по лицу. Охнув, Стан отлетел в сторону. В следующее мгновение свистнул меч Раллиха, подрубленное у самого корня деревце упало на землю.

— Стой! — выкрикнул Стан.

Раллих, уже замахнувшийся было, опустил меч.

Стан поднялся с земли. Багровый рубец пересекал его лоб, бровь была рассечена.

— А ведь этот побег не напал на нас. Он всего лишь защищался. Кому охота, чтобы из него сделали трость...

— В нём не заметно никакого волшебства, — произнёс Раллих, вертя в руках очередную приколдованную вещицу. — Видишь, указатель молчит.

— Думаю, никакого волшебства и нет. Просто живое дерево. На обычного зверя указатель тоже не реагирует.

— Видел такие деревца прежде?

— Никогда. — Стан поднял срубленный ствол. Тот слабо дёрнулся, но уже не мог оказать сопротивления.

— Что ты с ним собираешься делать?

— Вырезать палку. Раз уж он всё равно срублен, чего зря пропадать...

Раллих с сомнением пожал плечами, но смолчал.

— Если вам подозрительна живая палка, — предложил Стан, от которого не укрылось движение попутчика, — возьмите утреннюю, а я пойду с этой. Главное, хорошенько её ошкурить, тогда получится обычная палка, прочная и лёгкая.

— Мне подойдёт эта.

— Но вот что интересно, — сказал Стан, продолжая на ходу соскабливать с палки остатки луба, — если бы мы прошли мимо, не заметив, что дерево живое, и оно спокойно росло бы ещё сто или даже две сти лет, а потом явился бы Ворочун, как бы эти двое схлестнулись? Хотелось бы поглядеть.

— То есть, ты думаешь, что деревце заточено против Ворочуна?

— А против кого ещё? Не следует думать, будто всё в мире делается во имя человека. Ворочун в этих местах куда более реальная опасность, чем все лесорубы разом.

— Тихо! — Раллих остановился, подняв руку. — Что это?

Издали, на грани слышимости, донёсся переливчатый вой.

— Оборотни голос подают, — совершенно спокойно ответил Стан.

— Так ведь день сейчас, и луна не в той четверти...

— И что с того? Они в человеческом обличи поют. Я тоже так могу и, вообще, многие. Я бы пошёл в ответ, но не стоит зря внимание привлекать. Набегут, разбирайся с ними потом. Пока получается, лучше втихаря идти.

Дорога загибалась направо, обходя холм, пологий с этой стороны.

— Можно подняться на вершину, оглядеться, а захотим, то и переночевать. На высоте всегда чище. Только к обрыву с другой стороны осторожно подходить надо.

— А что там?

— Каменоломщики. Прежде с той стороны холма карьер был, там строительный камень ломали, плитняк, а когда город сгорел, то и этим досталось. Что там творилось, не знаю, но ничего не горело. Бараки деревянные целыми остались. Сейчас, конечно, одна труха, но разобрать ещё можно. Инструмент: кайлушки, молоты, клинья — всё посейчас цело, хотя изработано до предела. Рабочие разбежались, всё побросав, а на их месте завелись каменоломщики. А быть может, это сами рабочие и есть, просто их так зачаровало. Но трудятся они до сих пор. Камня наломали — необъятную гору, страшно смотреть.

— Ты там был?

— Был. Там не опасно. Каменоломщики смиренные, если им не мешать.

— А если помешать?

— Саданут молотом по башке, и собирай мозги по камням.

— Пробовал мешать?

— Не всё в мире следует пробовать, кое о чём надо так догадываться.

— А если попытаться заготовленный камень забирать, они как отреагируют?

— Нормально. Для этого они его и добывают. Но кому и зачем в Вымерте строительный камень?

Под эти разговоры путники свернули с тракта и поднялись на холм. Противоположная сторона его и впрямь была выгрызена гигантским карьером. Внизу замечалось какое-то шевеление, доносились удары по камню. Штабеля бессмысленно заготовленного плитняка тянулись до самой реки.

Река закладывала в этом месте изгиб и вольно текла дальше. Никакое зловредное колдовство не могло заставить её остановиться или изменить своё течение.

— Город там, — сказал Стан, указав палкой в синюющую даль. — Завтра дойдём, если всё будет спокойно.

— А болото с карликами?

— Это в другую сторону. Век бы их не видать.

Ночевать решили на голой вершине холма. Здесь не было ни дров, ни воды, но на вопрос: «не лучше ли устроиться на берегу реки», — Стан коротко ответил: «Лучше — здесь», — и Раллих молча согласился с более опытным товарищем. Стан спустился с обрыва к реке и вернулся с баклагой, полной воды. Шёл прямоком через рабочую площадку и, кажется, даже похлопал одного из каменоломщиков по согнутой спине. Путешественники посухмятничали, запивая остатки припасов тиноватой речной водой. Постепенно стемнело, но внизу продолжалась работа: слышались удары, треск ломаемого камня, смутно голубел свет.

— А вот разожгли бы мы внизу костёр, — произнёс Стан, — кто знает, как бы каменоломщики на огонь отреагировали? Нет уж, как говорится: «не буди лихо, пока оно тихо».

Раллих кивнул, соглашаясь. Он насторожил все свои амулеты и вызвался дежурить в первую очередь. Дежурство прошло спокойно: внизу в полном молчании заготавливали плитняк, вдалеке выли смиренные, неперекинувшиеся оборотни, но к охотникам никто подобраться не пытался.

Утром покинули холм, пройдя через каменоломни, работа в которых продолжалась всё в том же тягучем, неторопливом темпе. Вблизи каменоломщики почти не напоминали людей. Толстые короткие ноги, грушевидные туловища, без малейших зачатков плеч, нелепо приделанные к телам руки с четырьмя пальцами. Сверху — нащёлка головы без каких-либо признаков лица, совершенно такая же, что и у искряка. Казалось, эти существа делались с одного лекала. Не иначе, чёрная магия, лепившая этих уродов, сэкономила адскую фантазию.

— Они только кажутся серыми, — произнёс Стан, не понижая голоса. — Это их так известковая

пыль покрывает. Видели бы вы их после хорошего дождя...

Он откупорил флягу и принялся лить воду на заливку одного из каменоломщиков. Тот, не обращая внимания на неожиданное мытьё, продолжал возиться с глыбой известняка, которую ему предстояло расколоть. Стан размазал ладонью серую грязь и ещё раз окатил водой. Оказалось, что спина у каменоломщика ярко-розовая.

— Вишь, какой красавчик. Они тут все такие.

— А он бессмертный? — спросил Раллих. — Убить его можно?

— Зачем убивать? Люди работают, вреда от них никакого, вот и пусть работают.

— Добрый ты до всякой нежити.

— Некоторые так не считают. Те же оборотни про меня страшные сказки рассказывают. А я просто не люблю без толку геройствовать. Знаете, иной моледец шагает по лесу, как сквозь вражий стан. Мухомор увидит — ногой пнёт, в муравейник палкой тыкнет, сухостоину непременно раскачает и обрушит.

— И что такого?

— То, что не по-человечески это. Человек в лесу царь, а царь должен быть милостивым. Знаете, чем эти деятели обычно кончают? Начинает он неживое дерево раскачивать, а оно переломится посередине и приложит ему вершиной по маковке, только мозги брызнут, если, конечно, они там есть.

— Думать надо, что делаешь.

— Вот и здесь, думать надо, чтобы по башке не получить. А в Вымерте думать немногие умеют. У всей нежити, что с человеком схожа, вместо головы нашлёпка, словно их Крахт дубинкой отходил. Даже у самого Крахта голова приплюснутая. Думается, это предупреждение для тех, у кого голова покуда на плечах.

Свежевымытый каменоломщик взялся за молот. Инструмент был велик и ощутимо тяжёл, но на руках розовоспинного не обозначилось ничего, напоминающего мускулатуру.

— Отойдём от греха, — сказал Стан. — Зашибёт, не заметив.

Покинув каменоломню, спустились к реке. Там у самого уреза воды стоял плот: три связанные лыками бревна. Сверху на брёвнах лежало несколько каменных плит, явно позаимствованных у розовых каменотёсов.

— Откуда плот?

— Я связал, чтобы на тот берег сподручней попать. А каменюки навалил, чтобы разливом не унесло.

— У тебя тут целое хозяйство.

— Какое хозяйство?... — с горечью откликнулся Стан. — Я два раза заимку строил, отличную, хоть круглый год живи, и каждый раз являлся Ворочун и всё разносил в щепки. Я еле ноги успевал унести. Случайно такие вещи не бывают. Ненавижу!

— Зачем тебе заимка в гиблых местах?

— По-настоящему гиблые тут только трясины, где ни заимки не построить, ни вообще ничего. А на

сухом заимка нужна, чтобы оборотней бить. Землянку-то они разроют и тебя достанут, что барсука из норы, а в заимке ты царь и бог. Крахт заимку может разрушить, но на Крахта у меня меч есть. Вот и остаётся неуязвимым один Ворочун. Чего бы я только не дал, лишь бы найти к нему подход!

Под разговоры плот освободили от камней и спустили на воду. Шесты пришлось вырубать новые, прежние снесло половодьем.

— Что нас на том берегу ждёт? — спросил Раллих, налегая на шест.

— То же, что и на этом. Только там развалины города... — как вы говорите, он назывался? — Пернбур... А вообще, его Мёртвым городом кличут.

— Должен же Вымерт где-то кончиться...

— Он и кончается. Сам я не был, но купцы рассказывают, что по ту сторону Вымерта будет Серебристая Марка.

— Постой! Серебряная Марка — это на другом конце земли!

— Я и не говорил, что это близко. В Серебристую Марку корабли ходят, а сухим путём туда дороги нет. Прежде была, а тысячу лет назад Вымерт перегородил.

Плот приблизился к противоположному берегу, закрутился в обратном течении, но пара сильных толчков загнала его в тихую заводь. Стан прыгнул в неглубокую воду, упершись жердиной, принялся выталкивать плот на берег. Раллих с секундной задержкой последовал за ним.

— Говорят, — отдуваясь, продолжил Стан превращенный рассказ, — у Серебристой Марки границы с Вымертом нет, там сплошные степи. А в степях никаких государств быть не может. Кочевники там. Налетят, ограбят и утекут неведомо куда. Потом и кочевников также разобьют, а на их место другие приходят. Когда леса начинаются, там можно было бы жить, но вместе с лесами начинается Вымерт. Всё как у нас: посёлки реже, нечисти больше. В глуши уже не посёлки, а отдельные хутора, самый упёртый народ живёт.

Учтив плот и попрятав шесты, путники поднялись на обрыв.

— Вон наша дорога где, — указал Стан. — Там ещё остатки каменного моста видны.

— Отчего бы там реку не переплыть?

— Не... Под мостом тролль сидит. Прихлопнет как муху — и все дела.

— Каков он из себя?

— Я откуда знаю? О троллях чего только не болтают, а всё брехня. Может, там и вовсе не тролль, но что-то, несомненно, есть, и соваться туда я не намерен.

— Откуда тогда знаешь?

— Так у меня тоже береги есть, которые издали предупреждают. Оно под мостом сидит безвылазно, только клубится. Тролль или просто древнее чародейство не рассеялось, мне дела нет. Когда-то у моста изрядное войско полегло, не иначе, на выручку столице шли, Пернбур. Белая Дама, если она город жгла, там их накрыла и мост порушила. На том бере-